

TT

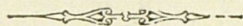
85

578

T 85
578 *си*

ВОЗСТАНІЕ ПОЛЯКОВЪ

ВЪ 1830 и 1831 г.г.

Оттискъ изъ „Виленскаго Календаря“ на 1897 годъ.

П. Дм. Брянцева.

ВИЛЬНА.

Типографія Вил. Св.-Дух. Братства, Зарѣчье, д. Братства.

1896.

Дозволено цензурою 26 октября 1896 г.—Вильна.

2007099217

927493-40

Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 г.г.¹⁾

ИЗЪ статьи, помѣщенной нами въ Виленскомъ Календарѣ за минувшій 1896 годъ, мы видѣли, сколько благодареній русское правительство излило на поляковъ послѣ паденія ихъ отечества. Видѣли также, какъ императоръ Александръ Благословенный вопреки совѣтамъ знаменитыхъ европейскихъ и русскихъ дипломатовъ присоединилъ къ Россіи Варшавское герцогство, образовалъ изъ него царство Польское и далъ сему послѣднему такую либеральную конституцію, какой въ то время не было во всей Европѣ. Видѣли, наконецъ, какъ отнеслись сами поляки къ этой великой милости русскаго царя: они, какъ мы знаемъ изъ прошлогодней статьи, въ высокой степени остались недовольны и конституціей, и творцомъ ея, т. е. Александромъ Благословеннымъ; образовали множество тайныхъ революціонныхъ обществъ, распространили крамолу по всѣмъ областямъ бывшей Рѣчи Посполитой и, при первомъ удобномъ случаѣ, положили поднять возстаніе. Каковой замыселъ и привели въ исполненіе въ пятый годъ царствованія императора Николая I, о чемъ мы въ этой статьѣ и сообщимъ подробно.

Благодаря безчисленному множеству тайныхъ обществъ ихъ агентовъ, разсыпанныхъ по царству Польскому и За-

¹⁾ Статья эта составлена по слѣдующимъ сочиненіямъ: Смита: „Русско-Польская война 1831 года“; профессора военной академіи Пузыревскаго: „Польская кампанія 1830—31 г.“; Неѣдова: „Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года“ и многихъ мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ Русскомъ архивѣ и Русской старинѣ.

падно-русскому краю, уже къ началу царствованія императора Николая I почти вся польская интеллигенція, за весьма малыми исключеніями, была возбуждена противъ Россіи и жаждала возстанія. Теперь вопросъ былъ только въ томъ, какъ приступить къ возстанію и какъ повести его. На этомъ пути главные дѣятели революціи раздѣлились на двѣ партіи: „бѣлыхъ“ и „красныхъ“. Партія „бѣлыхъ“ отличалась умѣренностію и никогда не прибѣгала (или по крайней мѣрѣ, очень рѣдко) къ крутымъ, террорическимъ мѣрамъ: она хотѣла достигнуть возстановленія Польши путемъ дипломатическихъ переговоровъ и разнаго рода уступокъ. Партія „красныхъ“, наоборотъ, отличалась страшною энергіею, необузданностію и неукротимостію; для возстановленія Польши она проповѣдывала самыя крайнія мѣры: ядъ, кинжалъ, убійство и т. п.¹⁾ Во главѣ первой партіи стали слѣдующія лица: генералъ Хлопицкій, князь Адамъ Чарторыйскій (бывшій другъ императора Александра I), Велепольскій, Паць, Сѣравскій, Скржинецкій, Радзивиль и друг. Во главѣ второй партіи стояли слѣдующія лица: Заливскій,²⁾ ксендзъ Брониовскій, Высоцкій (составитель главнаго тайнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „Высоцкаго“), Урбанскій, Набѣлянъ, профессоръ Лелевель и др.

Такъ какъ партія „красныхъ“ состояла изъ людей болѣе энергичныхъ (крикуновъ, собственно говоря), чѣмъ партія „бѣлыхъ“, то партія эта на одномъ изъ общихъ засѣданій взяла верхъ и ей поручено было начало и руководство возстаніемъ.

Ставши во главѣ революціоннаго движенія, партія „красныхъ“ прежде всего положила напасть на Бельведер—

¹⁾ Къ несчастію поляковъ, эта партія, какъ мы знаемъ, всегда брала перевѣсъ.

²⁾ Заливскій былъ самый главный и самый выдающійся дѣятель въ началѣ возстанія. Человѣкъ этотъ отличался въ высшей степени безпокойнымъ характеромъ; онъ не могъ ни съ кѣмъ ужиться: постоянно шумѣлъ, ссорился, кричалъ и дрался. „Впустить этого человѣка куда-нибудь, говоритъ Бергъ въ своихъ запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, и дать ему волю — это значить все разрушить“. — Заливскій, говоритъ другой писатель, въ первый день революціи — незамѣстимый человѣкъ, а во второй — его нужно поѣсть“.

скій дворець (въ Варшавѣ), гдѣ проживалъ намѣстникъ царства Польскаго великій князь Константинъ Павловичъ, котораго рѣшено было убить Затѣмъ, съ помощью польскаго войска и школы подпрапорщиковъ, предположено было арестовать русскихъ генераловъ и офицеровъ, а въ случаѣ сопротивленія—убить, и, наконецъ, поднять возстаніе въ городѣ (поднять городскихъ жителей) подъ предлогомъ, будто русскіе умерщвляютъ поляковъ.

Нападеніе на Бельведерскій дворець поручено было Набѣлянъ и нѣсколькимъ лицамъ изъ школы подпрапорщиковъ. Высоцкому и Урбинскому поручено было арестовать русскихъ генераловъ и офицеровъ, ксендзу Брониковскому—возмущеніе народа въ городѣ. Остальнымъ заговорщикамъ тоже поручено было то или другое дѣло, служившее къ увеличенію успѣха заговорщиковъ.

День возстанія назначенъ былъ 17 ноября 1830 г. въ 7 часовъ вечера. Сигналомъ для начала дѣйствій назначалось пламя пивоварни на Сольцѣ.

17-го ноября около 8 часовъ вечера Набѣлянъ вмѣстѣ съ 5-ю подпрапорщиками и 8 академиками отправился къ Бельведерскому замку; не встрѣчая сопротивленія, заговорщики проникли во дворець и бросились во внутренніе покои отыскивать великаго князя Константина Павловича. Великій князь въ это время находился въ своемъ кабинетѣ вмѣстѣ съ вице-президентомъ города Варшавы Любовицкимъ и генераломъ Жандромъ. Когда раздался шумъ въ сосѣдней комнатѣ, Любовицкій и генераль Жандръ высочили изъ кабинета, чтобы узнать причину шума. Заговорщики, увидя ихъ, бросились на нихъ и поразили ихъ штыками. Любовицкій, умирая подъ штыкомъ, успѣлъ крикнуть: „князь! спасайтесь—дѣло худо“. Предсмертный крикъ Любовицкаго страшно поразилъ великаго князя, князь растерялся и не зналъ, что дѣлать. Къ счастью, тутъ находился старый камердинеръ князя, который не потерялъ присутствія духа: онъ быстро подскочилъ къ дверямъ кабинета, ведущимъ въ сосѣднія комнаты, въ которыя ворвались заговорщики, захлопнулъ ихъ и заперъ задвижкою и тѣмъ преградилъ доступъ убійцамъ. Впрочемъ, заговорщики, какъ впоследствии выяснилось, не намѣревались входить въ кабинетъ

князя: они думали, что князь убить, принявши генерала Жандра за князя. Князь, между тѣмъ, вышелъ чернымъ ходомъ на дворъ и тутъ, благодаря распорядительности генераловъ Курнатовскаго, Данненберга и Герштенцвейга, скрылся подъ охрану конногвардейскаго полка.

Между тѣмъ революція все болѣе и болѣе разгоралась: революціонеры захватили въ оружейномъ складѣ 40000 патроновъ и проздали ихъ своимъ войскамъ, а затѣмъ овладѣли безъ боя самою важною крѣпостью въ царствѣ Польскомъ, именно, Модлиномъ, про которую Наполеонъ I сказалъ: „кто владѣетъ крѣпостью Модлинъ, тотъ будетъ владѣть и всею страной (т. е. царствомъ Польскимъ).“ Въ крѣпости революціонеры нашли 5000000 патроновъ и 60 пушекъ. Но несмотря на это, положеніе революціонеровъ было незавидное: войска у нихъ было мало—большая часть польскаго войска не хотѣла измѣнить русскому государю и осталась вѣрной данной присягѣ; къ тому же у нихъ не было общаго руководителя, а потому нѣкоторые изъ писателей не безъ основанія говорятъ: „если бы великій князь Константинъ Павловичъ захотѣлъ воспользоваться оставшимся вѣрнымъ ему войскомъ, то онъ легко могъ бы подавить возстаніе“, тѣмъ болѣе это могло бы случиться, что среди революціонеровъ происходили раздоры и несогласія. Но великій князь по своей сердечной добротѣ не воспользовался этимъ и не прибѣгъ къ энергическимъ мѣрамъ. При томъ онъ полагалъ, что возстаніе это, какъ не вызванное русскими, направлено не противъ русскаго государя, который такъ много сдѣлалъ добра для поляковъ, а есть вспышка среди самихъ поляковъ—одной враждебной партіи противъ другой и скоро утихнетъ само собою. Но дальнѣйшіе поступки поляковъ, какъ, напримѣръ, убійство нѣкоторыхъ лицъ, совершенно неповинныхъ ни въ чемъ, показали ошибочность этого взгляда.

Когда ясно обозначилось, что возстаніе поляковъ направлено именно противъ русскихъ и того административнаго строя, какой данъ полякамъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ, великій князь Константинъ Павловичъ на слѣдующій день, т. е. 18 ноября, вмѣстѣ съ русскими вой-

сками оставилъ Варшаву; выйдя за городъ, онъ утвердилъ свою квартиру въ трехъ верстахъ отъ Варшавы въ мѣстечкѣ Вержбѣ и сталъ ожидать дальнѣйшихъ дѣйствій революціонеровъ.

Такъ началось первое возстаніе поляковъ.

По удаленіи великаго князя изъ Варшавы, въ городѣ поднялась партія „бѣлыхъ“: она задумала овладѣть революціею и повести ее путемъ болѣе мирнымъ; она думала, захвативши власть въ свои руки, помириться съ русскимъ правительствомъ и затѣмъ вступить съ нимъ въ переговоры и такимъ образомъ мирнымъ путемъ достигнуть желанной цѣли, т. е. образованія самостоятельнаго польскаго государства въ предѣлахъ 1772 года подъ протекторатомъ Россіи. Благодаря оплошности „красныхъ“, „бѣлые“, дѣйствительно, овладѣли революціею и немедленно образовали изъ себя такъ называемый административный совѣтъ. Въ составъ этого совѣта, между прочимъ, вошли: князь Любецкій, Адамъ Чарторыйскій, Нѣмцевичъ, Лелевель и генералъ Хлопицкій. Послѣдній и сдѣланъ былъ главнокомандующимъ польскихъ войскъ.

Получивши власть въ свои руки, административный совѣтъ 21 декабря отправилъ депутацію къ великому князю съ разъясненіемъ ему, какія причины вызвали волненія и на какихъ условіяхъ поляки перестанутъ бунтоваться и снова признаютъ себя покорными русскому правительству.

По прибытіи въ Вержбу, мѣстопребываніе великаго князя Константина Павловича, депутація отъ имени административнаго совѣта и всего, по ихъ словамъ, польскаго народа прямо заявила великому князю, что возстаніе произошло вслѣдствіе несогласія покойнаго императора присоединить къ царству Польскому Литву, Бѣлоруссію, Подолію и ту часть Малороссіи, которая принадлежала Польшѣ до перваго раздѣла, и что если русское правительство желаетъ, чтобы польскій народъ былъ покоенъ и подчинялся русской коронѣ, то пусть оно исправитъ ошибку, по ихъ словамъ, Александра Благословеннаго. Великій князь, до послѣдней минуты думавшій, что поляки остаются благодарными почившему императору за все, что сдѣлано было для нихъ, и что возстаніе въ Варшавѣ есть только временная вспышка недоволь-

ныхъ, которая скоро сама собою прекратится, пораженъ былъ такого рода заявленіемъ депутаціи. „Вы сами знаете, сказалъ онъ депутаціи, что я ничего не могу сдѣлать для удовлетворенія вашей просьбы—дѣло это Государя Императора. Скажу вамъ только одно, что я со всѣми своими войсками немедленно удаляюсь изъ предѣловъ Польскаго государства и предоставляю все вамъ въ ваше распоряженіе“.

Съ этими словами великій князь Константинъ Павловичъ раскланялся съ депутаціей и удалился въ другую комнату. 22 декабря онъ съ своими войсками выступилъ по направленію къ Петербургу.

6-го декабря въ Варшавѣ былъ распущенъ административный совѣтъ и вмѣсто него установлено было временное правительство, во главѣ котораго сталъ Адамъ Черторыйскій, при чемъ Лелевель получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія. 18 декабря новое правительство созвало сеймъ. Но лишь только начались совѣщанія на немъ, какъ обнаружились разногласія между членами сейма: одни требовали немедленно объявить войну съ Россією и въ то же время произвести возмущеніе во всѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, которыя отошли по тремъ раздѣламъ Польши къ Россіи; другіе, не желая доводить дѣло до крайности, настаивали на томъ, чтобы вступить съ рускимъ правительствомъ въ переговоры. Къ послѣдней партіи принадлежалъ и генераль Хлопицкій. Когда же первые стали брать верхъ, то Хлопицкій, опираясь на войско, объявилъ себя диктаторомъ Польши.

Хлопицкій былъ одинъ изъ замѣчательныхъ лицъ среди поляковъ этого времени. Онъ обладалъ величественною наружностію; былъ въ высшей степени честный, открытый, прямой, всегда правдивый къ данному слову и необыкновенно разсудительный. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на окружающихъ. Солдаты его обожали. Во время возстанія Хлопицкому было 60 лѣтъ. Онъ съ раннихъ лѣтъ служилъ въ войскѣ. При Наполеонѣ I Хлопицкій поступилъ въ французскую армію и участвовалъ въ походѣ французовъ въ Испанію. Наполеонъ I цѣнилъ его дарованія и произвелъ въ генералы. Цѣнило его и русское правительство. При импе-

раторъ Александръ I Хлопицкій состоялъ на дѣйствительной службѣ, но по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Варшавѣ частнымъ человѣкомъ, получая отъ французскаго правительства, какъ бывшій генералъ Франціи, 6000 франковъ пенсіи.

Сдѣлавшись диктаторомъ, Хлопицкій снарядилъ два посольства: одно въ Петербургъ къ императору Николаю Павловичу для переговоровъ, а другое къ европейскимъ дворамъ просить содѣйствія.

Во главѣ посольства, отправленнаго въ Петербургъ, стояли: министръ финансовъ царства Польскаго князь Любецкій и депутатъ сейма Езерскій. Имъ поручено было путемъ переговоровъ добиться: а) ручательства въ точномъ исполненіи конституціи со стороны русскаго правительства, хотя бы она и была нарушаема со стороны поляковъ; б) присоединенія къ царству Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и той части Малороссіи, которая отошла къ Россіи по раздѣлу Польши, а также Волыни и Подолія, т. е. депутаты должны были требовать присоединенія къ царству Польскому тѣхъ областей бывшей Рѣчи Посполитой, которыя отошли къ Россіи по тремъ раздѣламъ Польши. Но Государь не далъ депутаціи аудіенціи, какъ польскимъ посланцамъ: онъ принялъ князя Любецкаго, какъ министра финансовъ царства Польскаго, и Езерскаго, какъ депутата; при чемъ объявилъ имъ для передачи землякамъ ихъ, чтобы они немедленно прекратили мятежъ, сложили оружіе и принесли повинную, что, въ противномъ случаѣ, виновные понесутъ тяжкое наказаніе. Съ этимъ отвѣтомъ 1-го января 1831 г. депутація и возвратилась въ Варшаву.

По возвращеніи депутаціи изъ Петербурга въ Варшаву, Хлопицкій собралъ сеймъ, передалъ слова Государя Императора и сталъ уговаривать депутатовъ подчиниться требованію Государя: онъ, какъ умный человѣкъ, отлично понималъ, что поляки, вступая въ борьбу съ Россією, непременно проиграютъ ее и вслѣдствіе этого въ десять разъ ухудшатъ свое положеніе. Но члены сейма, руководимые партією „красныхъ“, ошिकाки и освистали слова своего диктатора: они потребовали окончательнаго разрыва съ Рос-

сією и борьбы съ нею на жизнь и смерть: „что будетъ, то будетъ“ кричали депутаты. Въ заключеніе, сеймовое собраніе, по совѣту графа Романа Солтыка, провозгласило лишеніе права Русской Императорской фамиліи на польскую корону¹⁾. Хлопицкій, увидя, что соотечественники его вступили на самый опасный путь своимъ послѣднимъ поступкомъ, сложилъ съ себя диктаторскую власть и отказался отъ командованія войскомъ. Послѣднее сеймъ передалъ князю Михаилу Радзивилу.

Лишеніемъ поляками Русской Императорской фамиліи польской короны нанесено было Россіи тяжкое оскорбленіе; оскорбленіе это нужно было смыть кровью. И дѣйствительно, лишь только вѣсть объ этомъ оскорбленіи дошла до Петербурга, какъ Государь Императоръ Николай Павловичъ, внимая голосу общественному, рѣшился наказать бунтовщиковъ самымъ примѣрнымъ образомъ. Въ началѣ февраля стотысячная армія русскаго войска съ 336 пушками, подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича-Забалканскаго, вступила въ предѣлы Польскаго государства. Въ то же время приказано было изъ внутренней Россіи двинуться нѣсколькимъ дивизіямъ и съ Дона 13 казачьимъ полкамъ. Такимъ образомъ противъ возставшихъ поляковъ двинуто было русскихъ войскъ около 180000 человекъ.

Поляки выставили противъ русскихъ около 140000 человекъ и 146 пушекъ. Понятно, что силъ этихъ для борьбы съ русскими было весьма недостаточно. Надежда на успѣхъ поляковъ еще болѣе уменьшалась, если принять во вниманіе, что во главѣ польскаго войска стоялъ человекъ,

¹⁾ Сбылось то, что предсказывали русскіе дипломаты и оправдались слова иностранныхъ политиковъ, когда Александръ I, желая дать конституцію полякамъ, обратился за совѣтомъ по сему вопросу къ нимъ (см. нашу статью, помѣщенную въ календаръ за прошлый годъ). Польскій писатель Махнацкій, человекъ весьма талантливый и уважаемый современниками, прямо говоритъ, что возстаніе поляковъ рано или поздно непременно произойдетъ, какъ бы русскіе гуманно ни относились къ нимъ, потому что у поляковъ девизъ одинъ „или все, или ничего“ и что, разъ получивъ часть бывшаго своего королевства, они уже не могли успокоиться на этомъ и непременно старались бы вернуть какимъ бы то ни было путемъ и остальное.

совершенно не боевой. Михаилъ Радзивиль (новый польскій главнокомандующій) былъ человѣкъ прекрасный въ частной жизни: добрый, честный, мягкій и уступчивый, но какъ полководецъ, никуда не былъ годенъ. Изъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ въ сіе время въ польскомъ войскѣ, одинъ только Хлопицкій могъ управлять арміею: „кромѣ военныхъ достоинствъ онъ, говоритъ профессоръ военной академіи Пузыревскій, имѣлъ еще неоцѣненное достоинство, что появленіе его предъ войскомъ заставляло солдатъ совершать чудеса храбрости“. Это хорошо, впрочемъ, сознавало и временное варшавское правительство, а потому, назначивши главнокомандующимъ польскихъ войскъ Радзивила, упростило Хлопицкаго всегда быть при Радзивилѣ и помогать ему совѣтами. Правда, кромѣ Хлопицкаго, въ польскомъ войскѣ было еще два весьма даровитыхъ человѣка: Прондзинскій и Хржановскій¹⁾. Но только они мало принесли пользы полякамъ. Оба они—Прондзинскій и Хржановскій—состояли членами штаба. Прондзинскій одно время былъ даже начальникомъ штаба польской арміи. Прондзинскій и Хржановскій, будучи высокообразованными людьми, отлично понимали военное дѣло, но только въ теоріи. Оба они могли создавать великіе военные планы, даже геніальные, особенно Прондзинскій, но только трудно приводимые въ исполненіе при наличныхъ средствахъ. Прондзинскій былъ даровитѣе Хржановскаго, но характеръ имѣлъ невыносимый: грубый, вспыльчивый, надменный (не признававшій ничьего авторитета), въ высшей степени самонадѣянный. „Любимою фразою его было, говоритъ тотъ же профессоръ Пузыревскій, что одинъ полякъ по уму и по храбрости равенъ четыремъ русскимъ“. Хржановскій былъ основательнѣе Прондзинскаго и хладнокровнѣе его. Онъ постоянно противорѣчилъ Прондзинскому, особенно на счетъ вышеозначенной фразы Прондзинскаго. Они были враги между собою, часто ссорились и, желая насолить другъ другу, вредили общему дѣлу. Понятно, что эти два выдающіяся лица при всѣхъ ихъ дарованіяхъ не только не приносили пользы польскому войску, но, наоборотъ, приносили ему вредъ.

¹⁾ Польскіе историки превозносятъ ихъ до небесъ.

Между тѣмъ русскія войска въ стройномъ порядкѣ, подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича—Забалканскаго, продолжали свое движеніе къ предѣламъ царства Польскаго. Движеніе это произвело въ столицѣ царства Польскаго страшный переполохъ. Хлопицкій и Радзивиль немедленно составили военный совѣтъ: что дѣлать? Какъ вести военныя дѣйствія? Въ отвѣтъ на эти вопросы представлена было польскими генералами масса разнообразныхъ проектовъ. Первый планъ предложенъ былъ Хржановскимъ. Планъ этотъ былъ наступательный: онъ отличался смѣлостію, быстротою и энергичностью. Планъ, дѣйствительно, былъ хорошъ, но онъ не исполнимъ былъ въ рукахъ бездарныхъ польскихъ генераловъ. Когда Хржановскому замѣтили, что подобнымъ планомъ онъ ставитъ все на карту, то Хржановскій отвѣтилъ: „тѣмъ лучше, потому что менѣе будетъ продолжительна агонія большого человѣка“. Планъ Хржановскаго былъ отвергнутъ. Второй планъ былъ Прондзинскаго. Онъ былъ оборонительный. Но и этотъ планъ былъ отвергнутъ. Послѣ долгихъ преній, принятъ былъ слѣдующій планъ: польскую армію въ главныхъ ея силахъ (около 70000) расположить къ сѣверу отъ Варшавы по двумъ дорогамъ—Ковенской и Брестской, и затѣмъ, при наступленіи непріятеля, отодвигаться къ Варшавѣ, сосредоточиться въ двухъ верстахъ отъ города, въ мѣстечкѣ Гроховѣ, укрѣпиться тутъ и вступить въ генеральную битву.

Планъ борьбы былъ выбранъ весьма неудачный: во-первыхъ, онъ раздроблялъ силы поляковъ на части, во-вторыхъ, ослаблялъ ихъ безъ всякой цѣли и нужды, и, въ-третьихъ, главная позиція, выбранная въ силу этого плана, представляла массу неудобствъ.

Противъ этого плана сильно возставали и Прондзинскій и Хржановскій, но, несмотря на ихъ протестъ, планъ былъ принятъ.

24-го января 1831 г. русская армія съ разныхъ сторонъ вступила въ предѣлы царства Польскаго и началось общее движеніе къ Варшавѣ по тѣмъ именно дорогамъ, по какимъ расположены были и польскія войска. Русскихъ войскъ было въ этихъ мѣстностяхъ около 100000. Кромѣ

Дибичавъ русской арміи были еще слѣдующіе выдающіеся генералы: Толь (начальникъ штаба), князь Шаховскій, Розень, Власовъ, Палень, Крейцъ и др.

1-го февраля русскія войска въ первый разъ встрѣтились съ польскими войсками и съ этого дня идутъ незначительныя стычки. 7-го февраля около корчмы Вавры произошла первая довольно значительная битва. Въ этой битвѣ поляки дрались отчаянно и своимъ мужествомъ показали, что русскимъ предстоитъ вести довольно упорную войну. Битва продолжалась 7 часовъ. Кончилась тѣмъ, что поляки отступили къ Грохову. Русскіе потеряли въ этой битвѣ около 4000 человекъ.

12-го февраля главная русская армія въ числѣ 76000 съ 250 пушками подошла къ селенію Грохову, гдѣ уже, согласно раньше принятому военному плану, сосредоточена была польская армія въ числѣ 60000 человекъ. Кромѣ главнокомандующаго Радзивилла и его помощника Хлопицкаго тутъ находились польскіе генералы: Прондзинскій, Хржановскій, Круковецкій, Янковскій, Жимирскій, Скржинецкій, Дембинскій, Ромарино, Рыбинскій, Лубенскій и др.

13-го февраля произошла знаменитая Гроховская битва. Она началась въ 9 часовъ утра и продолжалась до 5-ти часовъ вечера. Въ этой битвѣ, какъ и подъ Ваврою, поляки дрались мужественно; но несмотря на это, они проиграли битву и въ страшномъ безпорядкѣ принуждены были отступить къ Варшавѣ. Причину пораженія польской арміи нужно искать не въ польскихъ солдатахъ, а въ польскихъ генералахъ, которые руководили битвою. Въ началѣ битвы главнымъ руководителемъ былъ генералъ Хлопицкій, хотя официальнымъ полководцемъ считался Михаилъ Радзивиль. Благодаря умнымъ распоряженіямъ Хлопицкаго, поляки кое-какъ держались. Очень можетъ быть, что дѣла ихъ были бы еще лучше, если бы командиры полковъ исполняли приказанія Хлопицкаго, но большинство изъ нихъ, не считая Хлопицкаго главнокомандующимъ, не находило нужнымъ слушаться его приказаній, и чтобы заставить ихъ идти въ битву, Хлопицкій каждый разъ долженъ былъ ѣз-

дить къ Радзивилу и просить его распоряженій, пока самъ не получилъ раны и не выведенъ былъ изъ битвы.

Потеря Хлопицкаго для поляковъ, и при томъ въ разгаръ самой битвы, была очень важна: пока онъ управлялъ битвою, дѣла поляковъ, какъ мы сейчасъ уже замѣтили, шли кое-какъ, но когда его не стало, Радзивиль окончательно растерялся: крестился, шепталъ молитвы, призывалъ на помощь угодниковъ Божіихъ, и на донесенія командировъ о печальномъ положеніи дѣла отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія. Въ то же время—Уминскій и Круковецкій поссорились между собою, Шембека плакалъ, а Прондзинскій и Хржановскій подрались, одинъ только начальникъ третьей дивизіи Скржинецкій сохранилъ присутствіе духа и только благодаря ему польская армія не была окончательно истреблена.

Поразивши польскую армію, русскій главнокомандующій три дня простоялъ безъ дѣла на полѣ битвы, ожидая польской депутаціи изъ Варшавы съ покорностію; но на четвертый день получено было извѣстіе, что поляки укрѣпляютъ Варшаву: ясно стало, что поляки и не думаютъ сдаваться. Тогда русскій фельдмаршалъ составилъ военный совѣтъ, на которомъ положено было отступитъ на югъ отъ Варшавы, гдѣ ожидать прибытія осаднаго парка и тогда приступить къ штурму варшавскихъ укрѣпленій.

Между тѣмъ польскій главнокомандующій, послѣ пораженія подъ Гроховомъ, прибѣжавши въ Варшаву, издалъ прокламацію, въ которой старался выгородить себя въ пораженіи подъ Гроховомъ: всю вину онъ сваливалъ на Хлопицкаго и Прондзинскаго. По этому поводу собранъ былъ сеймъ, на который пригласили главнокомандующаго Радзивила. Тутъ на него со всѣхъ сторонъ посыпались укоризны и обвиненія и, наконецъ, лишили его власти. Затѣмъ приступили къ выбору другого главнокомандующаго. Послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ избрали главнокомандующимъ Скржинецкаго.

Новый главнокомандующій польскихъ войскъ родомъ былъ изъ Галиціи. Въ это время ему было около 45 лѣтъ. Образование получилъ онъ въ Львовѣ. 23 лѣтъ онъ поступилъ

въ войско Наполеона I и участвовалъ въ походѣ сего послѣдняго на Россію, въ 1812 году. По образованіи царства Польскаго, Скржинецкій жилъ въ Варшавѣ въ качествѣ командира 8-го пѣхотнаго полка. Великій князь Константинъ Павловичъ не любилъ его и часто говорилъ про него: „этотъ командиръ все можетъ разсказать, что пишутъ въ французскихъ и англійскихъ газетахъ, но ничего не знаетъ, что дѣлается въ его полку.“ И дѣйствительно, Скржинецкій мало понималъ толку въ военномъ дѣлѣ. Правда, онъ былъ храбръ, любилъ войну и умѣлъ воодушевлять солдатъ. Но, какъ говорилъ про него Прондзинскій, онъ не имѣлъ дарованій стратегическихъ, ничего не понималъ въ употребленіи кавалеріи, артиллеріи и вообще въ операціяхъ цѣлой арміи. Кромѣ того, „Скржинецкій, по словамъ профессора Пузыревскаго, былъ сибаритъ: въ высшей степени цѣнилъ выгоды жизни; страсть къ комфорту доходила у него до того, что онъ почти всю компанію сдѣлалъ въ каретѣ. Безъ плотнаго завтрака, не выспавшись хорошенько, онъ ничего не предпринималъ.“ Въ заключеніе характеристики Скржинецкаго прибавимъ еще: дѣйствуя въ военномъ дѣлѣ въ высшей степени нерѣшительно, онъ отличался изступленнымъ религіознымъ фанатизмомъ: постоянно соскакивалъ съ лошади при видѣ костела, креста и какого-нибудь изображенія католическаго святого, становился на колѣни и подолгу молился, что нерѣдко было причиной упущенія важныхъ случаевъ, чтобы достигнуть успѣховъ въ борьбѣ съ непріателемъ.

Ясно, что выборъ поляками Скржинецкаго главнокомандующимъ своей арміи былъ весьма неудаченъ. Офицеры польской арміи, зная хорошо Скржинецкаго съ самой дурной стороны, постоянно критиковали его дѣйствія вслухъ арміи и такимъ образомъ подрывали его авторитетъ въ глазахъ послѣдней. Хржановскій и Прондзинскій—просто ненавидѣли своего главнокомандующаго. Впрочемъ, Скржинецкій скоро удалилъ ихъ, давши имъ другое назначеніе внѣ арміи ¹⁾.

¹⁾ По требованію правительства, генералы эти скоро были возвращены къ главной арміи.

Получивши власть главнокомандующаго, Скржинецкій прежде всего постарался опредѣлить своихъ друзей на болѣе выдающіеся мѣста, какъ военныя, такъ и гражданскія, при чемъ начальника первой дивизіи, самаго перваго своего друга, генерала Круковецкаго онъ сдѣлалъ генералъ-губернаторомъ города Варшавы. Затѣмъ приказалъ польской арміи выступить изъ Варшавы и двинуться въ сторону русской арміи, имѣя въ виду время отъ времени дѣлать нападенія на нее. Дѣйствительно, скоро начались болѣе или менѣе значительныя стычки между русскими и польскими войсками, въ коихъ русскіе постоянно одерживали перевѣсъ, за исключеніемъ битвы при Дембе-Велькѣ, гдѣ русскій шестой корпусъ, предводительствуемый барономъ Розеномъ, вслѣдствіе неисполненія инструкцій, данныхъ сему генералу фельдмаршаломъ, былъ разбитъ и потерялъ около 4000 убитыми и около 3000 ранеными ¹⁾. Но зато поляки скоро потерпѣли страшное пораженіе отъ самого Дибича подъ городомъ Остроленкою.

Битва при г. Остроленкѣ—самая замѣчательная изъ всѣхъ битвъ, какія были между русскими и поляками въ эту компанію. Битва происходила 14 мая. Поляки за нѣсколько дней до битвы заняли этотъ городъ въ числѣ 40 тысячъ и стали поджидать русскихъ. Русскіе не замедлили явиться въ числѣ 26 баталіоновъ. Битва продолжалась 9-ть часовъ (отъ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера). Въ этой битвѣ поляки дрались отчаянно, но, благодаря безразсуднымъ распоряженіемъ Скржинецкаго, были разбиты на голову. Прендзинскій говорилъ, что подъ Остроленкою польскую армію разбилъ не русскій фельдмаршалъ, а самъ Скржинецкій. Въ этой битвѣ палъ весь цвѣтъ польской молодежи и послѣ этой битвы польская армія не могла уже снова быть укомплектована. Подъ Остроленкою поляки потеряли убитыми болѣе 10000 и болѣе пяти тысячъ плѣнными. Тутъ погибли ихъ лучшіе генералы: Каменскій, Клиц-

¹⁾ Пораженіе барона Розена было бы еще сильнѣе, если бы не храбрость и стойкость 47 егерскаго полка, которымъ командовалъ даровитый полковникъ Квицинскій,—католикъ и родовитый полякъ, оставшійся вѣрнымъ русскому правительству.

кій—были убиты; Паць, Богушевскій, Малаховскій—тяжело ранены.

Послѣ битвы, польская армія, разстроенная и въ страшномъ безпорядкѣ, потянулася къ Варшавѣ; въ ея хвостѣ былъ самъ Скржинецкій. Онъ окончательно упалъ духомъ, былъ совершенно уничтоженъ и подобно Костюшко время отъ времени вскрикивалъ: „*finis Poloniae!*“.

По признанію всѣхъ специалистовъ военнаго дѣла битва при Остроленкѣ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ битвъ, одержанныхъ Дибичемъ, такъ какъ сила польская была сокрушена; но побѣда эта не принесла, русскимъ тѣхъ выгодъ, какихъ можно было ожидать; причину этого военные специалисты видятъ въ самомъ фельдмаршалѣ: онъ, вопреки совѣтамъ начальника штаба Толя (ученика Суворова), одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ генераловъ, не преслѣдовалъ отступающую польскую армію и не добилъ ее окончательно, а это можно было сдѣлать: свѣжія войска у Дибича были подъ руками. „Если бы, говорятъ нѣкоторые военные специалисты, Дибичъ бросился за отступающею польскою арміею, то онъ окончательно добилъ бы ее,—затѣмъ занялъ бы Варшаву и тѣмъ кончилъ бы компанію“.

Разбивши польскую армію, русскій фельдмаршалъ отступилъ къ Пултуску, а поляки—въ Варшаву, гдѣ пополнились свѣжими войсками и укрѣпили городъ.

Но, несмотря на нѣкоторые промахи русскаго главнокомандующаго, положеніе поляковъ было весьма отчаянное: въ одно время съ пораженіемъ главныхъ силъ поляковъ въ царствѣ Польскомъ шло пораженіе ихъ на Волыни и въ Литвѣ.

Возстаніе поляковъ на Волыни и Литвѣ произошло одновременно съ возстаніемъ въ царствѣ Польскомъ. Тамъ образовалось множество шаяекъ челоуѣкъ въ 200—300, а нѣкоторыя шайки были въ 1000 челоуѣкъ и болѣе. Шайки образовывали помѣщики въ своихъ имѣніяхъ изъ крестьянъ и челяди. Въ формированіи шаяекъ весьма дѣятельное участіе принимали приходскіе ксендзы: они говорили зажигательныя проповѣди и угрожали проклятіемъ и гнѣвомъ Божіимъ, если кто изъ ихъ

прихожанъ не хотѣлъ идти на „москалей и схизматиковъ.“

Самыми выдающимися лицами въ дѣлѣ возстанія на Волыни были трое: Дверницкій, графъ Стецкій и маіоръ Шонъ. Противъ нихъ посланъ былъ генераль Редигеръ съ 12000 войска. Русскіе долго преслѣдовали Дверницкаго, у которого было около 19 тысячъ войска и 12 орудій. 14 апрѣля Редигеръ притиснулъ его на австрійской границѣ у корчмы Люлинской и польскій генераль, видя свое безвыходное положеніе, со всѣмъ войскомъ и артиллеріею перешелъ границу и сложилъ оружіе предъ австрійскими войсками. Австрійцы выдали русскимъ все оружіе польскаго войска, но Дверницкаго не выдали, хотя по этому поводу долго шли переговоры и ѣздилъ къ австрійцамъ по порученію Редигера генераль Бергъ. Вслѣдъ за этимъ скоро разбиты были отряды графа Стецкаго и маіора Шона, при чемъ первый получилъ рану, но благодаря храбрости своей жены скрылся въ одномъ лѣсу, а второй попался въ плѣнъ и преданъ былъ военному суду, который приговорилъ его къ разстрѣлянію, за его жестокости съ русскими и евреями, что немедленно и было приведено въ исполненіе.

Въ Литвѣ главнымъ дѣятелемъ со стороны инсургентовъ былъ генераль Гелгулдъ. Человѣкъ совершенно бездарный, но любимецъ Скржинецкаго и попалъ сюда по его настоянію.

Въ Литвѣ, какъ и на Волыни, благодаря помѣщикамъ, образовалось много шаекъ для борьбы съ русскими, но у нихъ не было общаго руководителя, а потому, несмотря на ихъ многочисленность, онѣ не принесли никакой пользы дѣлу революціи. Поэтому варшавское правительство, по совѣту Скржинецкаго, и назначило въ Литву Гелгулда въ качествѣ руководителя бандъ. Въ началѣ мая онъ вмѣстѣ съ Домбровскимъ, Заливскимъ, Хлоповскимъ и Роландомъ прибылъ въ предѣлы Литвы. Эти четыре человѣка въ короткое время сформировали армію въ 20000 съ 25 орудіями и двинулись на Вильну. Вильна составляла главный центръ, гдѣ сосредоточены были русскія войска подъ начальствомъ генераль-губернатора Хра-

повицкаго. Движеніе Гелгулда на Вильну вызвало энтузіазмъ среди поляковъ этого города и [ухудшило безъ того весьма незавидное положеніе Храповицкаго. У Храповицкаго войска было всего 3000 и только благодаря необыкновенной энергіи и уму этого даровитаго человѣка въ Вильнѣ не вспыхнуло возстаніе.

Двигаясь на Вильну, Гелгулдъ около Райгорода (Ковенской губерніи) встрѣтился съ отрядомъ русскихъ войскъ въ 5500 человѣкъ съ 14 пушками подъ начальствомъ барона Сакена. Произошла битва. Благодаря численному превосходству, Гелгулдъ одолѣлъ: Сакенъ, потерявъ 1500 человѣкъ убитыми и плѣнными, отступилъ къ Вильнѣ.

Эта незначительная побѣда такъ отуманила глаза польскаго генерала, что онъ вообразилъ себя выдающимся знатокомъ военнаго дѣла и пересталъ слушаться совѣтовъ своихъ лучшихъ сподвижниковъ, каковыми безспорно были Дембинскій и Роландъ, и на нѣкоторое время предался полнѣйшей бездѣятельности: цѣлый мѣсяцъ Гелгулдъ праздновалъ свою побѣду надъ русскими подъ Райгородомъ, принималъ отъ сосѣднихъ польскихъ помѣщиковъ депутаціи, поздравленія и обѣды. А между тѣмъ онъ упустилъ дорогое время: ему послѣ битвы подъ Райгородомъ слѣдовало бы немедленно двинуться на Вильну и взять ее—и это весьма возможно было бы, потому что у Храповицкаго тогда было подъ руками не болѣе 5000 человѣкъ, а у Гелгулда 24000. Паденіе же Вильны имѣло бы громадное значеніе какъ нравственное, такъ и матеріальное: Вильна была средоточіемъ Литвы, центромъ религіозной жизни; тамъ находился арсеналь, 200 орудій и большіе запасы.

Благодаря бездарности и бездѣйствію польскаго генерала Гелгулда, генераль-губернаторъ Храповицкій стянулъ къ Вильнѣ значительныя силы. Сюда скоро прибылъ Сакенъ, которому вручено было начальство подъ всѣми русскими войсками до прибытія графа Курута. Сакенъ расположилъ русскія войска впереди Вильны на Панарскихъ высотахъ и сталъ ожидать Гелгулда.

5-го іюня Гелгулдъ подошелъ къ Вильнѣ, и тутъ началась битва. Битва продолжалась около 8-ми часовъ и кончи-

гасъ совершеннымъ подраженіемъ Гелгулда. Разбитые на голову поляки въ страшномъ безпорядкѣ обратились въ бѣгство по направленію къ городу Шавлямъ. Но быстрѣе всѣхъ бѣжали Гелгулдъ и Заливскій: имъ все казалось, что ихъ преслѣдуютъ русскіе; но русскіе, благодаря медлительности графа Курута, заступившаго мѣсто Сакена, послѣ битвы не преслѣдовали бѣжавшихъ поляковъ. Поляки пробѣжали три дня безъ отдыха и остановились подъ Шавлями. Шавли были заняты слабымъ русскимъ отрядомъ въ 2500 человекъ подъ начальствомъ генерала Крюкова. Польскій генералъ Гелгулдъ рѣшился овладѣть этимъ городомъ, чтобы хотя этимъ небольшимъ успѣхомъ загладить свое пораженіе подъ Вильной. Гелгулдъ не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ, такъ какъ у него было 15000 войска. Но онъ сильно ошибся въ этомъ: генералъ Крюковъ оказался истымъ москвичемъ: на предложеніе сдаться—отвѣтилъ, что скорѣе согласится тысячу разъ умереть со всѣмъ отрядомъ, чѣмъ сдаться. Послѣ этого отвѣта Крюковъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ онъ и всѣ офицеры дали торжественную клятву биться до послѣдней крайности; затѣмъ съ колѣнопреклоненіемъ отслуженъ былъ молебенъ, и началась битва. Битву эту, или лучше—нападеніе поляковъ, мы опишемъ словами профессора военной академіи Пузыревскаго: „Поляки предположили атаковать Шавли сразу со всѣхъ сторонъ: Дембинскій и Шимановскій съ юга, Роландъ съ запада, а Сѣравскій съ сѣвера. Роландъ и Шимановскій, разсыпавши въ цѣль почти всю свою пѣхоту, начали атаку одновременно, но были отброшены съ большимъ урономъ. Атака была снова повторена съ тѣхъ же сторонъ и опять отбита. Тогда поляки попробовали атаковать кавалеріей, которая съ Яновичемъ во главѣ проскакала до самой площади, не встрѣтивъ никого. Но здѣсь полковникъ Романовскій, собравъ фуражировъ и раненыхъ, отбилъ атаку. Кавалерія бросилась къ выходу, но встрѣченная огнемъ нашей пѣхоты была почти вся уничтожена. Поляки попробовали еще разъ атаковать Шавли съ запада, но были снова отбиты и принуждены отступить. Русскіе въ этомъ дѣлѣ потеряли до 500 человекъ, а поляки съ разбѣжавшимися до

4000, такъ что на другой день ихъ прибыло въ мѣстечко Куршаны всего 11000 человѣкъ. Но Крюковъ не остановился на отраженіи поляковъ, а на слѣдующій день пошелъ ихъ преслѣдовать.

По прибытіи арміи въ Куршаны, польскіе генералы составили военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ поднялись голоса противъ Гелгулда: всѣ требовали отъ него, чтобы онъ отказался отъ управленія войскомъ. Послѣ долгихъ и бурныхъ преній рѣшили раздѣлить армію на три самостоятельные отряда между слѣдующими лицами: Дембинскимъ, Роландомъ и Хлоповскимъ. Къ отряду Хлоповскаго въ качествѣ простаго генерала причисленъ былъ и Гелгулдъ. Но такое дробленіе арміи не принесло пользы, напротивъ, принесло вредъ: обезсиленная своимъ раздѣленіемъ армія не могла защищаться противъ русскихъ отрядовъ, которые стремительно напали на нихъ недалеко отъ прусской границы. Произошла страшная суматоха. Во время этой суматохи польскій офицеръ Скульскій подскакалъ къ Гелгулду и убилъ его пистолетнымъ выстрѣломъ. Тѣснимые русскими генералами Крюковымъ, барономъ Крейцемъ и Сакеномъ два польскихъ отряда Роланда и Хлоповскаго перешли у Полаегена прусскую границу и сложили оружіе. Что же касается Дембинскаго, то онъ, исколесивши почти всю Литву, убѣгая отъ преслѣдованія русскихъ, 22 іюля прибылъ въ Варшаву. При вступленіи въ городъ видъ отряда Дембинскаго представлялъ самый пестрый и разнообразный: толпы солдатъ, одѣтыхъ въ польскіе и русскіе мундиры, въ студенческіе сюртуки и въ простое крестьянское платье, представляли весьма странный видъ: многіе изъ нихъ были оборваны и босы, но зъ то же время вооружены дорогимъ оружіемъ. Кавалеристы сидѣли на большихъ и маленькихъ лошадяхъ: самогитскихъ, русскихъ и казацкихъ съ сѣдлами и чепраками всевозможныхъ родовъ. Согнутое и заржавленное оружіе, тощія и измученныя лошади, истасканная и заплатанная упряжь,—все показывало на тѣ трудности и опасности, какія перенесла эта армія, среди которой можно было даже встрѣтить нѣсколькихъ женщинъ и мальчиковъ. Такъ и кончилось возстаніе въ Литвѣ.

Пораженіе Дверницкаго въ Волыни и гибель всей арміи Гелгулда страшно поразили польско-революціонное правительство; оно не знало, что дѣлать и на что рѣшиться. Положеніе поляковъ въ сіе время, дѣйствительно, было отчаянное. Помощи ждать было не откуда: расчеты на иностранную помощь оказались тщетными; правда, англійскій и французскій послы хлопотали за поляковъ предъ императоромъ Николаемъ I, но государь отклонилъ ходатайство, объяснивъ, что борьба съ поляками—дѣло внутреннее, домашнее, и потому онъ не потерпитъ ничьего вмѣшательства. Австрія, хотя и сильно радовалась замѣшательству въ Россіи, но открыто помочь полякамъ не рѣшалась, такъ какъ у себя имѣла польскія провинціи. Она дозволила только своимъ подданнымъ—полякамъ формировать у себя шайки и переправляться въ Россію. Пруссія отнеслась къ возстанію поляковъ весьма несочувственно и даже отозвала своего генеральнаго консула изъ Варшавы. Турція была въ мирѣ съ Россією. Швеція не обратила никакого вниманія на поляковъ. Надежды поляковъ на поголовное возстаніе въ царствѣ Польскомъ, а также въ Литвѣ и Бѣлоруссіи тоже не оправдались: тамъ всѣ остались вѣрными русскому правительству, за исключеніемъ весьма немногихъ польскихъ помѣщиковъ. Настоящее положеніе поляковъ могло бы быть поправлено народною, партизанскою войной,—но въ томъ-то и дѣло, что въ Польшѣ, какъ и прежде, простой народъ никогда не принималъ участія въ защитѣ государства, такъ и теперь не хотѣлъ принимать. Правда, польскіе вожди, подобно Костюшко, обращались къ народу и просили содѣйствія, но никто не откликнулся. Призывая народъ ко спасенію отечества, польскіе паны, между тѣмъ, и не думали облегчить участь своихъ крестьянъ: уменьшить барщину, сократить число рабочихъ дней и ограничить свой произволъ надъ ними. Народъ одно только зналъ, что ему легче жилось подъ русскимъ владычествомъ, чѣмъ теперь подъ польскимъ.

Между тѣмъ главная русская армія, одержавшая побѣду надъ поляками подъ Остроленкою и отступившая потомъ, какъ мы видѣли, къ Пултуску, къ концу мая (чрезъ

двѣ недѣли) приведена была въ столь прекрасное положеніе, что фельдмаршалъ Дибичъ рѣшилъ — въ первыхъ числахъ іюня приступить къ осадѣ города Варшавы. Но 29 мая онъ скончался: въ ночь съ 28 на 29 число съ нимъ случился сильный припадокъ холеры, а на утро его не стало¹⁾. А чрезъ нѣсколько недѣль умеръ и великій князь Константинъ Павловичъ отъ той же болѣзни.

Послѣ смерти Дибича начальство надъ русской арміей принялъ начальникъ штаба генералъ Толь. Отличаясь выдающимся умомъ и необыкновенною энергіею, Толь зорко слѣдилъ за поляками: онъ не далъ имъ нигдѣ сосредоточиться и одержать малѣйшій успѣхъ, хотя бы въ незначительной стычкѣ, но Толь скоро долженъ былъ сложить начальство надъ русской арміей: Государю Императору Николаю Павловичу угодно было, вмѣсто Дибича, прислать Пас-

¹⁾ За границу въ польскихъ журналахъ рассказывалось и теперь рассказывается, что Дибичъ умеръ неестественною смертію: по однимъ рассказамъ, Дибичъ будто-бы самъ отравился, а по другимъ—будто-бы его отравили. Для уясненія истины мы выпишемъ рассказъ о смерти Дибича изъ сочиненія профессора военной академіи Пузыревскаго „Польская компанія 1830—1831 года“. „На 29 число (мая 1831 г.), говоритъ Пузыревскій, назначалось празднованіе годовщины Кулевчинской битвы. Русская армія, отдохнувшая послѣ трудностей похода, была полна довѣрія къ полководцу и ждала со дня на день приказа о движеніи и штурмѣ Варшавы. Неудачи, сопровождавшія насъ до Остроленской битвы, волновали общественное мнѣніе Россіи. Война все затягивалась, мы не могли добиться рѣшительныхъ результатовъ и вотъ стали распространяться самые невыгодные слухи на счетъ Дибича, его обвиняли даже въ измѣнѣ. Государь, однакоже, не потерялъ ни вѣры въ Дибича, ни довѣрія къ нему, а чтобы узнать положеніе дѣлъ, онъ рѣшился послать генерала Орлова, друга Дибича, въ главную квартиру арміи. Когда прибылъ Орловъ (онъ привезъ съ собою анонимныя письма, писанныя въ Петербургъ изъ арміи), ожидая найти войска въ самомъ печальномъ положеніи, то былъ удивленъ, видя ее въ блестящемъ состояніи. Тогда Орловъ сказалъ Дибичу, что онъ счастливъ, что можетъ доложить Государю объ отличномъ состояніи арміи. Весь день Дибичъ показывалъ Орлову строевые рапорты, вѣдомости о состояніи продовольствія и пр. Вечеромъ Дибичъ въ хорошемъ расположеніи духа ходилъ гулять со свитой, побѣждалъ на холмѣ, гдѣ сломалъ довольно толстый сукъ отъ дерева. Принявъ строевые рапорты, онъ въ 11 часовъ легъ спать. Въ 12 часовъ онъ почувствовалъ припадокъ холеры, но не обратился на

кевича-Эриванскаго, человѣка уже зарекомендовавшаго себя борьбою съ турками въ Малой Азіи.

13 іюня новый главнокомандующій прибылъ къ арміи, находившейся, какъ уже сказано было, въ Пултускѣ. Паскевичъ оказался болѣе энергичнымъ полководцемъ, чѣмъ его предшественникъ: по прибытіи въ Пултускъ, онъ немедленно приказалъ стянуть сюда какъ можно болѣе войска, а потомъ двинуться на Варшаву, гдѣ въ это время находилась вся польская армія и ея главнокомандующій съ своимъ штабомъ.

22 іюня русская армія четырьмя колоннами выступила къ Варшавѣ около прусской границы. Движеніе это сопряжено было съ величайшими трудностями: войска положительно тонули въ грязи вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, незадолго бывшихъ передъ этимъ, къ тому же на пути были болота; болѣе мѣсяца продолжалось движеніе русской арміи къ столицѣ польскаго государства. Къ счастію, польскій главнокомандующій, зная хорошо о движеніи русскихъ,

него вниманія и приказалъ позвать къ себѣ генерала Обручева (дежурнаго генерала штаба арміи). Обручевъ засталъ его уже въ такомъ положеніи, что сталъ опасаться за него и тотчасъ послалъ за докторомъ Шлегелемъ. Созванный послѣднимъ консилиумъ не могъ уже помочь; поставили банки, но все было напрасно. Дибичъ уже зналъ о своей судьбѣ. Онъ просилъ не оставлять его и, обратясь къ Орлову, произнесъ: „скажите Государю, что, умирая, я счастливъ тѣмъ, что исполнилъ свой долгъ“. Затѣмъ Дибичъ впалъ въ безпамятство и въ страшныхъ судорогахъ скончался. Про Дибича ходили слухи, что его отравили, или что онъ самъ отравился. Но это, разумѣется, не справедливо. Никогда фельдмаршалъ не былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, какъ наканунѣ смерти. Все, что было дурного, армія пережила; оставалось только пожать плоды претерѣнныхъ трудовъ. Холера прекращалась; армія отдохнула; послѣ трудностей и лишеній все, что было слабосильнаго, само собою отпало, остались воины, закаленные въ походахъ и лишеніяхъ, воины, на которыхъ смѣло можно положиться. Продовольственная и санитарная части были въ порядкѣ; въ артиллерійскихъ паркахъ было 43 тысячи снарядовъ, т. е. съ избыткомъ хватило-бы на три большихъ сраженія. Однимъ словомъ, армія во всѣхъ отношеніяхъ была обезпечена, оставалось только довершить начатое, чѣмъ и воспользовался впоследствии графъ Паскевичъ. Фельдмаршалъ скончался въ такую минуту, когда все было приготовлено, чтобы привести къ развязкѣ. Значить, нѣтъ никакихъ основаній думать, что Дибичъ отравился: мнѣніе это не выдерживаетъ никакой критики. Еще бессмысленнѣе полагать, что онъ былъ отравленъ—объ этомъ говорено раньше“.

не употребилъ никакихъ средствъ для затрудненія этого движенія: онъ не помѣшалъ фланговому движенію русской арміи, не воспользовался превосходными мѣстными условіями на лѣвомъ берегу Вислы и уступилъ русской арміи всѣ выгодныя оборонительныя позиціи.

Такое бездѣйствіе польскаго главнокомандующаго ясно показало всѣмъ, что Скржинецкій совершенно непригоденъ къ роли полководца. Если поляки иногда и имѣли небольшой перевѣсъ надъ русскими въ мелкихъ стычкахъ, то благодаря Прондзинскому и Хржановскому, а между тѣмъ онъ скоро удалилъ отъ себя того и другого. Медленными и слабыми дѣйствіями Скржинецкаго особенно недовольны были члены варшавскаго правительства. Чтобы лишить его власти, они задумали взбунтовать противъ него войско, что имъ и удалось безъ труда. Измученный и истерзанный неудачами въ борьбѣ съ русскими и полнымъ недовѣріемъ народа и войска, Скржинецкій, наконецъ, отказался отъ командованія войскомъ. Тогда члены варшавскаго правительства предложили начальство надъ польскими войсками генералу Дембинскому, только-что прибывшему изъ Литвы.

Въ то время, какъ происходили выборы главнокомандующаго, въ Варшавѣ поднялось страшное волненіе: одни требовали мира съ Россіею, другіе—борьбы съ Россіею на жизнь и смерть, третьи—отнятія власти у членовъ варшавскаго правительства. Въ заключеніе, разбушевалась чернь: съ громкими криками дикой радости она провозгласила своимъ диктаторомъ генерала Круковецкаго (губернатора Варшавы). Получивши неожиданно диктаторскую власть, Круковецкій прежде всего задумалъ раздѣлаться съ своими бывшими врагами, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежали: Дембинскій, Адамъ Чарторыйскій и Лелевель. У перваго Круковецкій отнялъ командованіе войскомъ и самого заключилъ въ тюрьму, а двухъ послѣднихъ приговорилъ къ висѣлицѣ, но оба они спаслись бѣгствомъ изъ Варшавы за границу. Въмѣсто Скржинецкаго новый диктаторъ назначилъ главнокомандующимъ польскихъ войскъ друга своего Малаховскаго.

Между тѣмъ русскія войска, въ числѣ 60000 съ 200 пушками, все болѣе и болѣе приближались къ Варшавѣ. Чтобы затруднить движеніе русской арміи и не допустить переправы чрезъ рѣку Вислу (съ лѣваго берега на правый), Малаховскій отправилъ противъ русскихъ армію въ 20000 человекъ подѣ начальствомъ одного изъ бездарнѣйшихъ польскихъ генераловъ, именно—Рамарино. Противъ Рамарино Паскевичъ отправилъ двухъ генераловъ: Красовскаго и Розина. Русскіе генералы настигли Рамарино недалеко отъ города Мендзиржеца и тутъ поразили его, а потомъ разбили его у Раховы и, наконецъ, у мѣстечка Борова притиснули къ австрійской границѣ, которую онъ и перешелъ съ 14000 войска (въ томъ числѣ 5000 конницы) съ 42 орудіями, гдѣ и сложилъ оружіе.

19-го августа Паскевичъ со всею арміей прибылъ къ Варшавѣ и обложилъ ее. Четыре дня русскій главнокомандующій держалъ ее въ блокадѣ, думая тѣмъ заставить поляковъ сдаться, но поляки не сдавались. 23 августа Паскевичъ созвалъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ присутствовали: великій князь Михаилъ Павловичъ и генералы: Толь, Шаховскій, Щербатовъ, Паленъ, Горчаковъ и др. На совѣтѣ главнокомандующій предложилъ два вопроса: а) представляется ли необходимость штурмовать Варшаву? и б) если представляется необходимость, то съ какой стороны это удобнѣе сдѣлать? Послѣ долгихъ разсужденій рѣшено было—произвести штурмъ и произвести со стороны Вольскихъ укрѣпленій.

Во время этихъ совѣщаній изъ Петербурга главнокомандующимъ получено было Высочайшее воззваніе къ польскому народу съ требованіемъ—положить оружіе и смириться. Получивъ воззваніе, Паскевичъ призвалъ генерала Данненберга, вручилъ ему воззваніе и приказалъ отправиться на одинъ изъ передовыхъ польскихъ постовъ и предложить свиданіе съ лицомъ, которое будетъ уполномочено отъ польскаго правительства для переговоровъ согласно съ этимъ воззваніемъ. На это предложеніе изъ Варшавы явился Прондзинскій, которому и вручено было Высочайшее воззваніе. Оба генерала условились видѣться въ этомъ

мѣстѣ на другой день для окончательныхъ переговоровъ. Но Данненбергъ, прибывши на другой день въ условленное мѣсто, нашелъ вмѣсто Прондзинскаго письмо Круковецкаго къ Паскевичу, оканчивающееся слѣдующими словами: „поляки подняли оружіе на независимость отечества въ тѣхъ предѣлахъ, какіе издревле отдѣляли оное отъ Россіи; народное правительство ожидаетъ отзыва, въ какой мѣрѣ Его Императорскому Величеству благоугодно исполнить ихъ желаніе“. Послѣ такого нелѣпаго требованія Паскевичъ приказалъ готовиться къ штурму.

Въ 5 часовъ утра 25 августа русскія войска въ стройномъ порядкѣ, колоннами, подъ звуки музыки, имѣя впереди 92 пушки, двинулись на непріятельскія укрѣпленія; въ то же время открытъ былъ огонь и съ другихъ русскихъ батарей. Поляки встрѣтили наступленіе русскихъ убійственнымъ огнемъ; но, несмотря на это, русскіе, благодаря своей храбрости и своему мужеству, а также умнымъ распоряженіямъ Паскевича, чрезъ два часа овладѣли тремя Вольскими укрѣпленіями, при чемъ русскими взято было 12 непріятельскихъ пушекъ, а къ тремъ часамъ дня русскіе овладѣли всеми Вольскими укрѣпленіями. Эти укрѣпленія были самыя важныя. Главное дѣло было сдѣлано. Паскевичъ далъ отдыхъ войскамъ. Ночь съ 25 на 26 прошла спокойно: ни русскіе, ни поляки ничего не предпринимали; послѣдніе поражены были энергичнымъ веденіемъ атаки русскимъ главнокомандующимъ.

Утромъ, 26 августа, лишь только забрезжилась заря, Паскевичъ приказалъ войскамъ снова идти въ атаку. Штурмъ начался еще энергичнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ; но лишь только были взяты первыя укрѣпленія, какъ къ русской линіи въ качествѣ парламентаря отъ Круковецкаго явился Прондзинскій съ извѣщеніемъ, что къ Паскевичу желаетъ явиться самъ Круковецкій и вступить въ переговоры относительно сдачи города. Фельдмаршалъ согласился. Свиданіе произошло въ 10 ч. утра. Но Круковецкій, вмѣсто ожидаемой сдачи Варшавы, заявилъ, что онъ еще не получилъ согласія варшавскаго правительства о сдачѣ города; польскій диктаторъ просилъ только перемирія до 3

часовъ по—полудни, на что Паскевичъ согласился. По истеченіи этого срока явился парламентаръ отъ Круковецкаго, но такъ какъ онъ не привезъ удовлетворительнаго отвѣта, то штурмъ опять возобновился. Во время этого штурма Паскевичъ, близко находясь отъ одной изъ непріятельскихъ батарей, получилъ контузію и начальство принялъ Толъ. Получивши начальство, Толъ усилилъ атаку. Благодаря особенной распорядительности Толя и его энергіи, къ вечеру почти всѣ укрѣпленія Варшавы были взяты и паденіе города было неизбежно. Тогда польское правительство уполномочило Круковецкаго вести переговоры съ Паскевичемъ. На слѣдующее утро было заключено условіе, въ силу котораго Варшава сдается безусловно, а польскія войска отступаютъ къ Плоцку и тамъ будутъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ полдень 27 августа русскія войска подъ звуки музыки церемоніальнымъ маршемъ вступили въ Варшаву чрезъ такъ называемыя Іерусалимскія ворота. Польскій народъ, наполнявшій улицы города, встрѣтилъ русскихъ въ высшей степени восторженно. Но сдачею Варшавы война съ поляками не прекратилась: она еще продолжалась съ мѣсяць.

По занятіи русскими войсками Варшавы, члены польскаго правительства удалились въ Закрочинъ и тамъ открыли засѣданіе подъ предсѣдательствомъ помѣщика Немоевскаго. На этомъ засѣданіи прежде всего члены правительства разорвали актъ, подписанный Круковецкимъ о безусловномъ повиновеніи поляковъ русскому правительству, а затѣмъ объявлены были лишеными власти Круковецкій и Малаховскій, а вмѣсто ихъ обоихъ избранъ былъ генераль Рыбинскій, который немедленно принялъ начальство надъ польскими войсками.

Получивши власть, Рыбинскій съ жаромъ взялся за свое дѣло: онъ немедленно собралъ разрозненные части войска въ одну армію, которой оказалось около 30000 человекъ, и объявилъ русскому главнокомандующему войну, вызывая его на бой. Но всѣмъ было очевидно, что изъ этого ничего не выйдетъ, что это просто была комедія: польская

армія, сформированная Рыбинскимъ, не имѣла ни пушекъ, ни ружей, ни аммуниціи, ни провіанта, жила грабежемъ, къ тому же была страшно истомлена и измучена. Мало того, среди польской арміи въ сіе время царилъ полнѣйшій хаосъ и безначаліе: ссоры, крики и драки только и слышны были въ лагерѣ. При томъ и самое командование войскомъ переходило изъ рукъ въ руки: то къ Рыбинскому, то къ Уминскому. Войско не знало, кого слушаться. Многіе изъ польскихъ генераловъ и офицеровъ, видя такой беспорядокъ, перешли на сторону русскихъ; такъ, между прочимъ, перешли генералы: Лубенскій, Сѣравской, Ягминъ, Дзекавскій и другіе. Дембиескій, одинъ изъ лучшихъ польскихъ генераловъ, заболѣлъ отъ досады. Члены народнаго правительства, видя все это, вмѣстѣ съ Немоевскимъ бѣжали за границу, въ Пруссію, а за ними потянулась и армія. Русскія войска, подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Власова, Духторова и Палена, настигли Рыбинскаго около самой русской границы. Испуганныя польскія войска въ страшномъ безпорядкѣ въ числѣ 25000 человекъ 23 сентября перешли границу и отдались въ плѣнъ прусскимъ властямъ. Этимъ и кончилось возстаніе.

Два мѣсяца спустя послѣ перехода польской арміей прусской границы, именно 19-го ноября того же 1831 г., Государь Императоръ Николай Павловичъ прислалъ въ Варшаву манифестъ, въ которомъ объявилъ всѣмъ амністію, за исключеніемъ тѣхъ членовъ сейма, которые принимали участіе въ провозглашеніи лишенія польскаго престола Русской Императорской фамиліи, и тѣхъ офицеровъ, которые послѣ капитуляціи Варшавы не хотѣли покориться. Въ слѣдующемъ 1832 г. русскимъ правительствомъ произведены были въ царствѣ Польскомъ административныя переустройства; прежняя конституція была отнята, а вмѣсто нея былъ установленъ органическій статутъ; вмѣсто сейма учрежденъ былъ государственный совѣтъ, члены котораго назначались самимъ императоромъ; войско распущено. Намѣстникомъ царства Польскаго былъ назначенъ графъ Паскевичъ, который получилъ титулъ князя Варшавскаго.

Послѣ административныхъ преобразованій въ царствѣ Польскомъ, русское правительство обратило свое особенное вниманіе на тѣ области, которыя достались ей по тремъ раздѣламъ Польши, т. е. на области бывшаго Литовскаго государства. Правда, въ этихъ областяхъ немногія лица принимали участіе въ мятежѣ; но принимала участіе по большей части учащаяся молодежь; поэтому и преобразование въ этихъ областяхъ коснулось преимущественно учебныхъ заведеній. Прежде всего правительство закрыло Виленскій университетъ¹⁾, такъ какъ онъ больше всего доставлялъ лицъ революціонному „женду“. Затѣмъ самый Виленскій учебный округъ былъ преобразованъ совершенно на новыхъ началахъ; постановлено было, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ начальниками были непременно русскіе; увеличено число недѣльныхъ уроковъ по русскому языку и самый преподаватель этого предмета переименованъ изъ младшихъ учителей въ старшіе; сдѣлано было распоряженіе относительно преподаванія исторіи и статистики на русскомъ языкѣ; въ то же время сокращенъ былъ и самый учебный округъ: большая часть его отошла къ Кіевскому учебному округу и Бѣлорусскому.

Но главное, на что больше всего русское правительство обратило вниманіе въ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой, послѣ послѣдняго польскаго возстанія, такъ это на католическое духовенство. Русское правительство по отношенію къ сему послѣднему поставило себѣ главною задачею ослабить его фанатическое вліяніе на польско-католическую народность, а также и русско-уніатскую. Дознано было разслѣдованіемъ, что католическое духовенство въ послѣднемъ возстаніи принимало самое дѣятельное участіе: оно во имя религіи и папы безпрестанно возбуждало народъ противъ русскихъ, какъ еретиковъ, по ихъ словамъ. Доказано было, что католическіе ксендзы и прелаты даже освящали на свв. престолахъ оружіе для мятежниковъ, сочиняли революціонные гимны и разсылали брошюры самаго преступнаго содержанія.

¹⁾ Въмѣсто него чрезъ три года открытъ былъ въ Кіевѣ университетъ. Въ Вильнѣ оставлены были: медицинская академія и ветеринарное отдѣленіе.

Для достиженія этой цѣли, т. е. ослабленія фанатическаго вліянія католическаго духовенства на поляковъ и униатовъ, русское правительство постановило: а) чтобы отъ смѣшанныхъ браковъ (православныхъ съ католиками) дѣти были православныя; б) чтобы кандидаты на епископскія кафедры избирались правительствомъ; в) чтобы католическія духовныя лица безъ согласія свѣтской власти не имѣли права шагу сдѣлать изъ своего мѣстопробыванія. Испуганное этими мѣрами римско-католическое духовенство обратилось съ жалобою къ папѣ. По сему поводу римскій папа (сначала Григорій XIV, а потомъ Пій IX) прислалъ протестъ, но на него въ Россіи не обратили никакого вниманія и, какъ ненужный документъ, сдали въ архивъ. Здѣсь римская курія въ первый разъ испытала на себѣ, какъ недействительны ея требованія, если у нея нѣтъ средствъ поддержать ихъ силою. А между тѣмъ русское правительство для большаго ослабленія католическаго фанатизма рѣшилось еще на одинъ весьма важный шагъ, именно: на воссоединеніе униатовъ съ православною церковію, тѣмъ болѣе это возможно было, что починъ сему сдѣлали сами униаты въ лицѣ своихъ духовныхъ представителей. И это великое дѣло, какъ извѣстно, совершилось 12 февраля 1839 года.

Такъ кончилось это печальное для поляковъ возстаніе! Но, впрочемъ, оно не образумило ихъ: чрезъ 30 лѣтъ они снова подняли возстаніе. Но объ этомъ подробно скажемъ въ будущемъ году.

П. Дм. Брянцевъ.

1896 г. авг. 30.

г. Вильна.

2007099217